

для слависта хронологическая приуроченность многих фонетико-фонологических явлений. Это свойство книги будит мысль и приближает нас к установлению абсолютной хронологии праславянских языковых изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурибаум Х. Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987.
2. Lamprecht A. K chronologii foneticko-fonologických změn v praslovanštině // SaS. 1973. Roč. XXIV. C. 2.
3. Pozdní praslovanština a její vývoj na východoslovanském území // Cs. přednášky pro VII mezinárodní sjezd slavistů. Linguistika. Praha, 1973.
4. Lamprecht A. Praslovanština a její chronologické členění // Cs. přednášky pro VIII mezinárodní sjezd slavistů. Linguistika. Praha, 1978.

5. Lamprecht A. Praslovenská geneze slovenštiny // Československá slavistika 1983. Praha, 1983.
6. Erhart A. Indoevropské jazyky. Srovnávací fonologie a morfologie. Praha, 1982.
7. Váňa Z. Svět dávných Slovanů. Praha, 1983.
8. Novák Ľ. K najstarším dejinám slovenského jazyka. Bratislava, 1980.
9. Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Fonologia. Warszawa, 1969.
10. Birdwell Ch. S. The chronology of certain sound changes in Common Slavic as evidenced by loans from vulgar Latin // Word. 1961. 17.
11. Kopečný F. Lze, nelze, nelze // SaS. 1972. Roč. XXXIII. C. 2.

Кондратов П. А.

Л. А. Булаховский и современное языкознание. К 100-летию со дня рождения. Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка, 1987. 288 с. (на русском и украинском языках).

Кажется невероятным, что 1988 год был годом столетия со дня рождения выдающегося языковеда-слависта, академика АН УССР, члена-корреспондента АН СССР Леонида Арсеньевича Булаховского. Невероятным потому, что многие относительно молодые советские лингвисты помнят украинского ученого, хорошо знают его труды (число которых превышает 400 наименований) и развивают его идеи, а студенты-филологи с интересом штурмуют его учебники. О том, что Леонид Арсеньевич продолжает оставаться нашим современником, свидетельствует и изданный «Наукой думкой» сборник научных трудов видных советских и зарубежных лингвистов.

В сборнике — две части. Первая, — так сказать, «мемориальная», где дается всестороннее освещение фундаментальности наследия Л. А. Булаховского с проекцией в современность; вторая — общелингвистическая, в которой на конкретном материале демонстрируется продуктивность направлений и идей, выдвинутых в свое время ученым. Граница между обеими частями, конечно же, довольно условна, ибо эти части объединены стремлением отразить научные интересы Л. А. Булаховского.

Сборник открывается обобщающим очерком жизни и научной деятельности Л. А. Булаховского, написанным его ученицей Т. Б. Лукиной. Этот очерк предваряет все последующие статьи книги. «Те, кому посчастливилось учиться у Л. А. Булаховского, общаться с ним, помнят его не только как большого

ученого и блестящего лектора, необыкновенно эрудированного, с тонким чувством юмора, но и как очень доброжелательного, чуткого, внимательного человека; вместе с тем он умел быть твердым и непреклонным в принципиальных вопросах» — таким видится Учителю автору очерка (с. 10).

В первой части книги удачно собраны работы по тем аспектам языкознания, в которых Л. А. Булаховский оставил глубокий след. А. В. Десницкая определяет в своей статье место украинского ученого в ряду классиков советского языкознания — в ряду, который представлен такими именами, как Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский. Особое внимание автор статьи уделяет концепции литературного языка, которая создавалась украинским исследователем в живом творческом диалоге с этими учеными. М. М. Пешак в статье «Л. А. Булаховский о методах в языкознании» демонстрирует методологическую комплексность подхода классика советской лингвистики к языковым фактам: в его трудах используется 21 (!) метод анализа последних (от статистического, экспериментального и сравнительно-исторического до статистического и лингвостатистического). Важно, что как и у современника Л. А. Булаховского, ленинградского профессора Б. А. Ларина, методологическая широта вытекает из обеспечения полноты материала» (с. 35).

Целая серия статей первого раздела посвящена славистическому (в широком

смысле) наследию Л. А. Булаховского. В очерке Н. П. Романовой «Проблема межславянских языковых отношений в свете работ Л. А. Булаховского» подчеркивается, что оценка таких отношений как важнейшего фактора развития литературных языков, фактора не менее важного, чем тенденции внутреннего порядка, — одна из основ научной концепции ученого. Анализу проблем современного функционирования русского языка в трудах Л. А. Булаховского посвящена статья М. А. Карпенко. Г. П. Иваторак развивает взгляды ученого на украинско-белорусскую языковую общность, а Л. Л. Гумецкая анализирует его характеристику староукраинского письменнолитературного языка, не скрывая от читателя некоторой ее противоречивости (с. 93). И. А. Стоянов раскрывает болгаристические интересы Л. А. Булаховского, подчеркивая, что они проявились уже в 1911 г., когда молодой ученый откликнулся рецензией на одну из этимологических монографий Ст. Младенова. К. К. Трофимович пишет о Л. А. Булаховском как соратнике, хотя и не скрывает, что интерес к серболужицким диалектам у него был в целом периферийным. При этом автор вносит уточнения в трактовку Л. А. Булаховским возникновения верхнелужицкого литературного языка: оно было, как показывают современные исследования, мотивировано не только национально-культурными моментами, но и другими факторами. Значителен был интерес Л. А. Булаховского к балтистике. В статье А. П. Непокупного не только анализируются различные аспекты этого интереса, но и на материале переписки ученого с балтийскими коллегами (прежде всего — с К. Бугой) раскрываются малоизвестные страницы биографии украинского языковеда. Мемуары Ю. Л. Булаховской о живых творческих контактах ее отца с украинскими писателями (М. Т. Рыльским, П. Г. Тичиной, Ю. И. Яновским, М. П. Бажаном и др.) — весьма живой и свежий штрих жизнеописания ученого.

Некоторые статьи первого раздела книги заострены на «уроненом» анализе языковых фактов. Здесь, естественно, представлены прежде всего те аспекты лингвистики, в которых Леонид Арсеньевичем сделано особенно много. В статье В. В. Колесова «Л. А. Булаховский и славянская акцентология» дан основательный разбор монументальных, насчитывающих свыше тысячи страниц типографского текста, трудов украинского академика по акцентологии, показано его подвижничество при отстаивании диалектического подхода к данной проблеме. «Л. А. Булаховский исполнил большую историческую задачу: вывел нас на ши-

рокую дорогу современной акцентологии... Работая в Киеве, он стал учителем нашим, в каком бы городе мы ни начинали» (с. 22), — такова общая оценка его деятельности в этом научном направлении, данная ленинградским фонологом. По мнению В. В. Колесова, «...Булаховский создавал систему классической акцентологии, доводя ее осознание до уровня системности...» (с. 24). Вопросам ритмомелодики в трудах Л. А. Булаховского с проекцией их в разработки современных украинских ученых посвящен очерк А. И. Багмут. Здесь хорошо показана связь этих трудов с его общедиалектическими воззрениями на механизм языковой деятельности. Фонологическая проблематика «булаховедения» освещается и в статье М. А. Жовтобрюха «Украинский исторический вокализм в трудах Л. А. Булаховского», где особо подчеркивается значение открытой классиком украинского языкознания закономерности рефлексации $o, e \rightarrow i$.

Исторический синтаксис украинского языка в освещении Л. А. Булаховского — тема статьи С. Ф. Бевзюка. В очерке Л. С. Паламарчука «Словарный состав языка и его лексикографическая интерпретация в трудах Л. А. Булаховского» подчеркнут вклад ученого в теорию и практику отечественной лексикографии. В этом вопросе Леонид Арсеньевич был максималистом, считая, что лишь полнота описываемого в словарях материала и точность его обработки позволяют исключить дилетантский подход к словарному делу. Статья Л. Г. Скрипник «Вопросы фразеологии в лингвистическом наследии Л. А. Булаховского» напоминает об актуальности предложенных им в свое время классификаций фразеологизмов, особенно — их историко-этимологической проекции.

Второй раздел книги тематически более развернут и общ, хотя и содержит массу новых конкретных фактов. Так или иначе его проблематика связана с кругом интересов Л. А. Булаховского, причем практически все авторы акцентируют современное состояние разработки соответствующих проблем.

Большое место здесь занимает историко-этимологическая проблематика. В статье О. Н. Трубачева «Языкознание и история», открывающей этот раздел, подчеркивается непреходящая важность принципа историзма при этимологической интерпретации слова. Автор отстаивает право этимологов на разночтения в историко-лингвистической интерпретации некоторых слов (*изгои*, *Русь*, праслава. **kotja*). А. Е. Супрун в проблемно заостренном очерке «Алгоритмическое и неалгоритмическое в этимологическом поиске» делится опытом собственной работы над

этимологическим словарем белорусского языка, непринужденно приоткрывая «кухню» историко-лингвистического анализа. Достаточно скептически — и главное — дифференцированно подходить к перспективам автоматизации различных этапов работы этимолога, автор приходит к выводу, что она должна применяться «...отнюдь не для подмены собственно человеческой работы, а для ее облегчения и ускорения, чтобы обеспечить те необходимые этапы этимологизирования, без которых невозможно подлинное, уже неалгоритмизированное исследование» (с. 218). В статье А. А. Белецкого «Независимые аналогичные изменения в родственных языках» демонстрируются фонологические, морфологические и словообразовательные потенции и последствия аналогии в индоевропейских языках.

Одн из линий этимологического поиска, настойчиво влекшая Л. А. Булаховского, — деэтимологизация в славянских языках — продолжена статьей В. А. Ткаченко. В ней много ссылок на конкретный материал, подтверждающего эту историко-лексическую тенденцию при развитии семантики слов *обруч*, *рушник* и их славянских соответствий. И. М. Железняк предлагает результаты комплексного анализа гидронимии Киева, которая, по мнению автора, «демонстрирует западнославянские параметры общеславянского ареала распространения» (с. 227) и является в какой-то мере изолированной микросистемой. Г. Шустер-Шевц в штудии «К этимологии некоторых славянских слов с начальным *ž- (к генезису праславянского *ch-))» предложил несколько конкретных этимологических разработок, связанных с этой фонетической темой (праслав. слова *šerad-, *šered-, *šib-, *šija, *šip-, *šiska, *šuditi, *šodl-). По его мнению, праславянский спирант во многих случаях восходит к и.е. *gk-. Н. И. Толстой очерком о слове *полено* (праслав. *polěno) продолжает свою хорошо известную славистам серию «Иа географии славянских слов», в которой развивается гипотеза о двух потоках миграции славян на Балканский п-ов. Ареал лексемы *polěno, для юга Славии концентрирующейся в основном в словенских, отдельных югославских, севернокавказских островных и черногорских горах, македонских и болгарских юго-западных горах, свидетельствует о том, «что к южнославянской зоне в целом нельзя подходить недифференцированно и считать ее (на основании анализа нескольких десятков слов) зоной «семантической архаичности»...» (с. 233). Этимологии славянских названий растений, мотивированных числительными, посвящена статья А. Н. Шамоты.

В очерке Ж. Ж. Варбот предлагается

новая этимологическая трактовка глагола *проворонит*: автор связывает ее не со словом *ворона*, метафорически пересмысленным, а с глаголом *ver- «вязать, связывать, запирать» и далее — с основой *vorn-, обозначающей отверстие, преимущественно в форме раструба, т. е. (в данном конкретном случае) «рот, пасть». Эта этимология убеждает, ибо в ее пользу можно было бы привести и активный ряд славянских народных фразеологизмов типа *разевать рот*, *открывать пасть* и под. со значением «отозвешивать, быть невнимательным» (ср.: *ротозей*, *раззяка* и т. д.). И в статье Г. М. Ягурской «О некоторых параллелях в развитии лексического значения (русс. *живой* — *мертвый*, англ. *alive* — *dead*)» фразеологическая аргументация весьма существенна, ибо антонимическая пара *живой* — *мертвый* воспроизводится во фразеологии разных языков. Собственно фразеологической проблематике посвящен свежий историко-этимологический очерк В. В. Нимчука о древнерусском обороте *рабичья ночь*. Опираясь на богатый диалектный материал, автор возводит первый компонент к лексеме *рабъ* (*раба*) «куропатка; рябичка», а сочетание в целом расширяет как «грозовая ночь, когда массово гибнут куропатки, рябички».

А. С. Мельничук в статье «О начальных этапах развития письменности у восточных славян» вновь возвращается к гипотезе о «роусских письменах», найденных Кириллом в Херсонесе во время путешествия к хазарам в 860 г., которые имели протоглаголический характер и были впоследствии использованы им для создания глаголицы. В пользу этой гипотезы свидетельствует как языковая ситуация, сложившаяся в Киевской Руси после официального введения христианства, так и — особенно — то обстоятельство, что, отправляясь в Моравию, в которой имело место засилье римской церкви, крайне враждебно настроенной по отношению к греческой, Кирилл как опытный и умный дипломат не мог начать свою миссию с распространения там церковного письма, основанного на греческой графике, которое сразу встретило бы с решительным сопротивлением Рима» (с. 134). Причины и обстоятельства появления и развития славянской письменности у восточнославянских народов раскрывает в своей статье А. Т. Борщ. Очерк Л. Н. Смирнова посвящен истории словакистики в России, где словацким языком интересовались такие известные филологи, как П. И. Кептея, И. И. Срезневский, М. П. Петровский, А. А. Соколов, Т. Д. Флоринский.

Большая серия статей, представленных в сборнике, продолжает начатую в свое время Л. А. Булаховским разработку тео-

рии славянских литературных языков. А. Едличка в статье «К развитию науки о славянских литературных языках» анализирует три направления в исследовании этой проблематики — общетеоретическое, монолингвальное, полилингвальное. Здесь подчеркивается и вклад Л. А. Булаховского в развитие богемистики на Украине. В. М. Русаковский, опираясь на наследие Л. А. Булаховского, дает аналитический очерк истории славянских литературных языков. «Сравнительная история славянских литературных языков, — по мнению автора, — с одной стороны, является направлением, интегрирующим историю развития отдельных славянских литературных языков, а с другой — составной частью истории развития славянских культур» (с. 159). В сборник включен и ряд статей по конкретным проблемам, связанным с развитием и функционированием славянских литературных языков: «Среднеднестровский, волынский и подольский говоры и их отношение к новому украинскому литературному языку» (И. Г. Матвияс), «Украинские лексические элементы в системе выразительных средств русского литературного языка» (Г. П. Ижакевич), «Из украинско-севернорусских лексических параллелей. I» (П. Е. Гриценко), «Функционально-семантический синкретизм реплик художественной прозы» (М. К. Милых), «Из наблюдений над использованием музыкальной терминологии в украинской поэзии» (В. И. Ярмач).

Имеются в книге и статьи, посвященные анализу различных уровней языка. В. Г. Складенко исследует подударные редуцированные гласные начального слова в древнерусском языке. В. Т. Коломиец рассматривает прилагательные с суф. *-at/-ovat/-, -it/-ovit/-, -ast, -ist* в славянских языках. Общие особеннос-

ти и динамические импульсы находит Т. Б. Лукинова, сопоставляя тенденции развития числительных на болгарско-македонской почве. Предметом исследования Н. С. Зарицкого является частично-видовая соотносительность глаголов современного русского языка, которая, по мнению автора, «не представляет собой универсалии для всей глагольной лексики» (с. 202). В статье Л. Дажё «Типологические гопрорсы выражения объекта в славянских языках» рассматриваются надежды, выражающие объект, анализируется роль одушевленности и партиципальности.

Как видим, сборник, посвященный столетию со дня рождения Л. А. Булаховского, масштабно представляет основные «сюжеты», вдохновлявшие еще недавно классика украинского языкознания. Важно и то, что большинство авторов этой книги следует основному научному принципу, составляющему, по нашему замечанию В. В. Колесова, важную для истории нашей науки особенность Л. А. Булаховского-исследователя: «...ст материала во всей его сложности и противоречивости к последовательным в степенях отвлеченности научным обобщениям, порождающим новую научную теорию» (с. 27). Статьи, объединенные наименованием «Л. А. Булаховский и современное языкознание», и «материальные», и теоретичные, что делает их новым шагом в исследовании проблем, интересовавших Леонида Арсеньевича. Редколлегия сборника (А. А. Белецкий, А. С. Мельничук, Г. П. Пинторак, В. М. Русаковский) во главе со своим председателем Т. Б. Лукиновой, тщательно и любовно отобрав «строительный материал» для этой книги, и возвала тем самым добротный научный монумент к столетию своего Учителя.

Мокиенко В. М.

Дикционар експликатив ал лимбий молдовенешть/Ред. принципал Бережан С. Г. Кишинэу: Карта молдовеняскэ. Вол. 1 (А—М). 1977. 847 паж.; Вол. 2 (Н—Я). 1985. 876 паж.

Выход в свет двухтомного «Толкового словаря молдавского языка» — значительное событие в лингвистической практике и культурной жизни Советской Молдавии. Издание словаря как бы подводит итог многолетней лексикографической работе молдавских языковедов. В последние десятилетия в республике издавались разные словари (двуязычные, терминологические и др.) по различным отраслям знания. Однако значение этого фундаментального лингвистического труда определяется тем, что это первый академический толковый словарь, отражающий

с достаточной полнотой исторически сложившееся на протяжении столетий лексическое богатство, функциональное и стилистическое развитие молдавского литературного языка.

Рецензируемый словарь подготовлен сотрудниками сектора лексической семантики и одноязычных словарей Института языка и литературы АН Молдавской ССР. К работе были привлечены также и некоторые квалифицированные специалисты из вузов республики. Первоначально руководителем работы был В. П. Соловьев, а затем общее руковод-